

МАСКА И ОБЛИЧЬЕ

Сегодня Аркадию Райкину исполнилось бы 85 лет

Григорий Козинцев

Дата

ЛУЧШЕЕ, что есть в нашем искусстве, во всяком случае в театре, — Райкин. Посмотрите пленку, где снята сцена, как к спящему заведующему приходит проситель, которому нужно сорок рублей на телевизор.

Где происходит действие? Не знаю, в каком учреждении. Знаю — у нас. Какое место занимает этот человек? В чем его должность? Не знаю. Он заведующий, он и есть «место».

На чем основана сцена? В чем ее смысл? В том, что она ни на чем не основана. Нет в ней смысла. Все — просыпание, воспоминание о встрече, которой не было, знакомство, о котором он ничего не помнит — мнимое, нарочное, показное. Формы обращения (все!) — от встречи до прощания, бодрячком, «с огоньком», «чтобы дух подчиненного

поднять», — ложь, совершенная мнимость.

И все в этом его искусстве чисто русское — от Гоголя и Достоевского: быт, пошлость, подвиги до фантазмагории.

Тут не сентиментальные слезы сквозь смех, а ужас от смеха.

Это великие философские трактаты.

Он сделал труднейшее в искусстве — создал маску.

Маска — одухотворенный поколениями труд: очищение от всего случайного — в японском или народном итальянском театре мгновенный знак, сразу же возникающая связь между человеком в маске и людьми без масок, зрителями, обычными человеческими лицами, в которых столько различий одного от другого — родовых, общественных и т.д.

Маска однозначна, ясна, как доведенная до универсальности клевета, частица реальности.

Тип. Обобщение.

Как будто все ясно. Но это мнимая очевидность: люди в зале вовсе не показывают, не открывают

свою суть, свое существо.

А одно ли это существо, поступающее в чертах, выражении лица?

Мигель Унамуно писал, что диалог двух людей есть на деле столкновение не менее чем шести человек, и трудно сказать, кто же из этих трех личностей может быть зачислен именно в одно подлинное человеческое лицо.

И тут без определения — при внешнем проявлении — не обойтись.

Что тут можно сказать? Пожалуй, то, что маска — сравнима с обличьями, которые принимает человеческое лицо в целях сокрытия подлинных намерений истинного лица, — ведет себя более честно. И, может быть, в своей сути куда более глубока, чем эти нехитрые лицедейства.

Райкин это отлично показывал.

Он единственный наш актер, у которого слышно гоголевское: и захлебывающаяся быстрота нелепых в тексте, и игра звуков-смыслов, звуков-типов, ритмов

речи — состояний. И иногда у него вдруг обладение, ужас в глазах. Это тоже гоголевское. (Было бы время, с ним можно было бы — только одним — по-ставить «Нос» — теленос.)

Он единственный артист у нас, на деле показывающий, что такое «система Станиславского».

Первая категория этой «системы» у Райкина: полнота, глубина веры в «предлагаемые обстоятельства». Сила же искусства в том, что разум неспособен поверить в реальность таких характеров, отношений, проявлений.

«Все существующее разумно» — старое гегелевское положение все еще на деле, в жизни, в повседневности не подвергнуто сомнению и не опровергается.

Вот и оказалось, что возможность убедить в величайшей не только неразумности, но и в ужасе противоречивости дала огромную силу искусству этого, пожалуй, единственного у нас реалистического художника.

«О РАЙКИНЕ Я ГОВОРЮ ТОЛЬКО СТИХАМИ»

Из дневника 1961 года

Лев Кассиль

4.I. Переделкино. Вот и встретили Новый Год. Были Райкины, Тана Тэсс и Юра, Маслюков и Птицына, Зина, Юля с Цейтлиным, Катя Райкина и Ю.Яковлев из Вахтанговского театра.

А на другой день все собралось снова, плюс Миша Кукрыникс с женой. Обедали, смотрели по «телеку» Чарли Чаплина, хохотали так, будто видели впервые. Какой удивительный, без единого промаха, без малейшего исключения проникающий в любое сердце юмор, то оглушающий смехом, то полный возмущающей душу человеческой печали! Приятно было смотреть вместе с Аркашей, который так и впиался в экран, и упивался, и хохотал тихо, и обмирал от наслаждения. Как хорошо, что этот бесконечно талантливый человек, вне сомнения, один из лучших артистов современности, сохранил способность всем существом радоваться таланту других! Вспомнить только, как он недавно примчался к нам с концерта танцора Эсамбаева и без конца, снова, сначала, всем рассказывал и показывал, и радовался. Радостно и мне, что среди наших друзей, один из самых близких и дорогих — Райкин. Пусть надо мной посмеиваются, что я говорю о нем «только стихами». Что ж, он и впрямь достоин того, чтобы о нем писались поэмы. И талант, и культура, и порядочность, и мысль, и скромность.

2.III. Просмотр в ЦДКЖ сборной программы Райкина для возможной поездки в далекие края. И опять был заново полонен неповторимым райкинским талантом, несколько раз хохотал до слез, а тут не мог удержаться и просто плакал от восторга, от радости за этот дар удивительный, за искусство наивысшего совершенства, за свое счастье дружить с таким человеком, с таким Артистом, видиться с ним почти ежедневно, запросто. Не боюсь сличений, но лишь с Маяковским, да разве еще с Прокофьевым испытывал я это радостное ошеломление в личном контакте и безоговорочное ощущение того, что нет ему равного, что это общая наша радость, наша гордость и богатство.

На генеральной репетиции у Райкина. Новая программа — «Волшебники живут среди нас!» Кое-что Аркадий показывал уже мне дома — у нас и у себя, в Ленинграде. Сатирические удары местами сокрушительной силы. Безошибочное попадание в самые уязвимые наросты приспособленческого нутра невежд и демагогов («Партия учит нас, что газы при нагревании расширяются»). И, как всегда, безукоризненно точен и щедр сам Аркадий. Но в целом спектакль менее смешной получился, чем предыдущие. Я говорил об этом Аркаше дома после генералки и на днях, когда он ночевал у нас на даче. Он считает, что сила сатирического удара не слабеет от утраты в спектакле элементов

смешного. Думаю, что он не прав. Сатира должна быть смешной, это ее признак и оружие. Гнев облачается тут в разящую иронию, вызывая облегчающий смех. Иначе — это уже другой жанр. Райкин — великий комик, как и Чаплин, он владеет также в полной мере лучшими красками шутки печальной, трогательной, прячущий боль за грустной улыбкой. Но в спектакле нет этих черт. Хазин (автор) человек очень остроумный, но не умеющий создавать насыщенные ярким и стремительным действием узлы спектакля. А ведь это театр миниатюр, недаром он так называется. Нужна драматургия квантовая, так сказать, излучающая сатирическую энергию спектакля точными, короткими, плотнотарженными порциями, дающими неожиданную разрядку. Обо всем этом придется еще подумать, поразмышлять серьезно, так как мне, видно, предстоит писать о спектакле.

...Радостью единственной отвратительного вчерашнего дня были милые Райкины. Аркадий — дорогой мой человек — встретил меня, несмотря на ранний час, уже на перроне, повез к ним домой. А вечером показывал мне за ужином (был и Садовский) несколько сатирических монологов из новой программы своей, еще готовящейся. И хохотал я, и просто исходил опять восторгом, забыв про все мелкое, неумное, псевдоинтеллектуальное, туподумное, что еще путается у нас под ногами в искусстве, и испытывал очистительное счастье, радуясь дружбе сердечной, родственной и домашней, с таким талантом и преклоняясь перед его всеодолевающей одержимостью. Жаль, что надо было мчаться на вокзал, к поезду... Райкины отвезли меня. И уют их красивого дома, внимание и ласковое гостеприимство очень помогли мне вчера.

30.IV. «...В результате скручивания стропов...» Вот уж сколько дней, словно звенящая на пластинке игла, царапает меня это страшное сообщение. «Скручивание стропов». Аркадий Райкин в тот вечер вышел в положенный для начала спектакля час на авансцену перед занавесом и сказал переполненному, как всегда, залу: «Не могу я вас сегодня смешить, товарищи. Горю у нас с вами. Вот 30-го у меня выходной, приходите с сегодняшними билетами. И мы вам сыграем. А сейчас, разоидитесь, товарищи!» И все тихо встали и направились к выходам.

Да, мир людей, стремящийся расширить свои радиусы и вмести в себя космические пространства, потерпел еще одно горькое поражение. Три американца в пекле на земле, а теперь наш Комаров. Как бы убивался Цюлковский!

12-го встречался в Доме дет. книги с Бел Кауфман, родной внучкой Шолом Алейхема, автором «Вверх по лестнице, идущей вниз». Вечером ужинали у нее с Кудрявцевой и Таубе. Были Андрониковы, жена Ратиани, Л.Левин, Вознесенский с Богуславской. Царил, как всегда, Ираклий. Но для гостей сенсацией явилась захваченная мной из дома записная книжка Шолом Алейхема, подаренная мне к 50-летию моему Аркадием Райкиным и входящая в число самых драгоценных раритетов моей комнатной коллекции.

На днях навещали Райкина в Кунцевской больнице: мерцающая аритмия! Очень мне тревожно за него, хотя как будто ничего угрожающего пока нет. Но я знаю и чувствую, как тяжело ему, привыкшему к повелительному с его стороны обращению с массой людей, это комфортабельное заточение. Поговорить толком и по душам не пришлось, т. к. явилась Мариэтта Шагинян

с шофером, тащившая два кула гостинцев, и, сама глухая, полтора часа оглушала всех нас... А мне беспокойно за Аркадия...

Были еще раз в больнице у Райкина. Говорили о «Тартюфе», которого видели «на Таганке». И о Хемингуэе. Аркаше лучше. Повеселел, вчера мы с ним болтали по телефону. 2-го обещают выпустить. Хорошо бы!..

8.XII. Райкин дома. Слава богу.

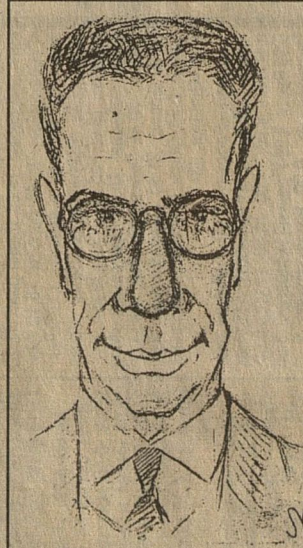
Как хочется обывателю почестать язык и потешить сенсацией свое скушающее пустышечное нутрецо! Какие только идиотские слухи не ходят о Райкине! То придумывают антисоветский скандал, якобы имевший место во время одного номера программы в Киеве. (А в те дни Аркаша в Киеве не выступал вообще, да и номер этот он уже лет 12—15 не показывает!) То его будто бы сажали за спекуляцию валютой... А сейчас со всех сторон по телефону и при встречах сообщают, что Райкин застрелен, ибо уличен в переводе огромных сумм валюты в Израиль. Вот сволочи клоачные, гады чесучие! Ведь все это не так уж безобидно! У сплетни душок весьма определенный...

...Радостью было свидание с Райкиным, посещение спектакля со многими новыми «номерами» Аркадия, который кое-что, еще не показанное на сцене, показал мне дома. Дал он мне прочесть преподанное письмо Вас. Арского ему и Роме, во всем содержании и тоне которого явно прослушивается копия, посланная в какие-то высокие инстанции. Автор негодует по поводу вступительного фельетона «Только правда», написанного для Райкина Лиходеевым и включенного в новую программу. Аркадий исполнял его в Москве с оглушительным успехом. Сила этого блестящего монолога в его высоком гражданском пафосе, в огромном доверии к нашему, именно к нашему советскому, сильному, трудолюбивому обществу, не мирящемуся с велеречивой показухой, которую ненавидел Ленин, чьи разительные цитаты идут почти рефреном, оковывающим боевой броней все, о чем тут говорится Райкиным.

Райкин, наконец, народный СССР. Это радость уж подлинно народная.

4 и 5 июня, открывая вступительным словом творческие вечера Райкина у нас в ЦДЛ, не побоялся назвать его одним из величайших артистов современности. Правду моей убежденности в этом подтвердил он еще раз, выступая с таким успехом, что монстры (и люстры) качались и пол ходуном ходил в зале.

Из книги «Аркадий Райкин в воспоминаниях современников». Составители Екатерина Райкина, Людмила Михайлова. Книга готовится к публикации.

Переделкино.
3.1.1957.
Lev Kassil

В Эдем,
где был Бурлюк с
Ахматовой и М. Вильямс,
в салон
для гурий-люкс,
ворвался павлин...
и, сбежавши от них
до сих пор,
остался там
и некоторых обезьян...
Ведь не писал стихов он.
Как только лишь
он и не метил
он рвался
просто
к Райкину!